

МАРИНА СЕРОВА

ДОЛЬЧЕ ВИТА
по-русски

Сериал
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Марина Сергеевна Серова
Дольче вита по-руски
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=658485

Дольче вита по-руски. Девушки любят похолоднее: Эксмо; Москва;

2011

ISBN 978-5-699-50396-4

Аннотация

Такова доля частного детектива – все друзья и знакомые бегут к тебе со своими проблемами! Вот и парикмахерша попросила Татьяну Иванову помочь ее подруге Наталье, у которой муж Виктор недавно умер якобы от атипичного гриппа. Наталья подозревает, что его отравили – откуда в их городе взяться экзотическому вирусу? По ее словам, незадолго до смерти кто-то звонил Виктору с угрозами... От его сослуживца Татьяна узнала: Виктор отнюдь не хранил верность супруге, а мило проводил время с любовницей, и именно она угрожала рассказать обо всем ничего не подозревающей Наталье. На этом Иванова собиралась сворачивать расследование, как вдруг выяснилось: Виктор фигурирует в ее новом деле и любовные грехи тут совсем не при чем!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	46
Глава 4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Марина Серова

Дольче вита по-русски

Глава 1

Вот и настало это пресловутое «потом» – время, на которое я свалила кучу разных дел. Последние три месяца я занималась непрерывной чередой расследований, без единого выходного и едва ли не по двадцать четыре часа в сутки. «Отдохну потом, высплюсь потом, наведу порядок в квартире тоже потом», – говорила я себе. Еще надо было сходить в ЖЭК, который что-то напутал с квитанциями за коммунальные услуги, вызвать мастера по ремонту стиральных машин, продлить страховку автогражданки, ну и конечно же, побаловать себя шопингом и SPA-процедурами. Отоспаться в мой первый выходной не удалось, потому что соседи именно в этот день вздумали устроить ремонт. Я проснулась от звука работавшей за стеной дрели и уже не смогла больше заснуть, но и вставать тоже не спешила. На меня вдруг навалилась такая апатия, что даже поход по магазинам за новыми тряпками не вдохновлял. Услышав телефонный звонок, я обрадовалась. Вот сейчас мне закажут новое расследование, и я со спокойной душой вновь отодвину домашнюю рутину на потом.

– Алло! – ответила я.

– Тань, привет! – крикнула в трубку моя подружка Светка. – Как хорошо, что ты дома! Я даже не надеялась дозвониться до тебя с первого раза. Слушай, ты ко мне вообще собираешься?

– Ну, так, – протянула я без какой-либо определенности в интонациях.

– Все понятно, значит, не собираешься. А ведь пора бы уже. Ты когда у меня была в последний раз? Месяца два назад?

– Наверное, три, – уточнила я.

– Три месяца? Это же совсем никуда не годится! Я, конечно, все понимаю, работа есть работа, но и о себе, любимой, тоже нельзя забывать, – выпалив на одном дыхании эту прописную истину, Светка вдруг замолчала на пару секунд, а затем осторожно поинтересовалась: – Танюша, а может, ты себе другого мастера нашла?

– Света, о чем ты говоришь? Разве я могу тебя на кого-нибудь променять?

– Вот что, дорогая, жду тебя сегодня, в двенадцать ноль-ноль, – требовательно заявила Светка-парикмахерша. – И не вздумай отказываться! Я обижусь.

– Да я и не думаю.

– Тогда до встречи, дорогая, – пропела Светка и отключилась.

Моя подруга даже не представляла себе, как я была бла-

годарна ей за этот звонок. Теперь, когда она назначила мне конкретное время, я могла спокойно встать, перешагнуть через груды бумаг, рассыпанных по полу, зайти в ванную комнату, спокойно посмотреть на предавшую меня стиральную машину, принять душ, а затем отправиться в кухню и заняться кофейным священнодействием, стараясь не обращать внимания на гору невымытой посуды и удерживая себя от мысли заглянуть в пустой (я это и так знала) холодильник.

Вскоре я уже наслаждалась терпким вкусом свежесваренной «Арабики» и убеждала себя, что обязательно, в самое ближайшее время, разгребу кучу своих домашних дел, возможно, даже сегодня, но только после того, как вернусь из салона «Афродита». В конце концов, Светка права: себя, любимую, надо холить и лелеять – в первую очередь.

Выходя из дома, я прихватила с собой квитанции, лежащие на тумбочке. Авось буду проезжать мимо ЖЭКа, остановлюсь и зайду в бухгалтерию.

Ровно в полдень я уселась в кресло, и Светка принялась колдовать над моими волосами.

– Хорошо, что я тебя в прошлый раз горячими ножницами подстригла, кончики еще вполне сносные. А челка-то, челка как отросла! Ну ничего, сейчас я сделаю из тебя такую красавицу, – пообещала подружка. – Таня, а что, если в этот раз мы обойдемся без филировки? Давай сделаем короткую прямую челку. Сейчас все звезды так носят.

– Как скажешь, – согласилась я, отдавшись во власть вы-

сококвалифицированного мастера.

Светка работала ножницами, развлекая меня при этом светскими сплетнями, которые она, вероятно, вычитывала в глянцевого журналов, предназначенных для клиенток, ожидающих своей очереди. Во всяком случае, когда я вошла, она листала один из них. Пробежавшись по очереди звезд, моя подруга вдруг решила «приземлиться»:

– Знаешь, а у меня сосед недавно умер. Молодой совсем, тридцать два года. У него остались жена и двое детей. Близняшкам еще и двух лет нет. Представляешь?

– Представляю, – вяло произнесла я. Меня, частного детектива, такая история не могла ни удивить, ни разжалобить.

– Тань, ты бы хоть для приличия спросила, отчего он умер!

– Ну, и отчего он умер?

– Официальная версия – от атипичного гриппа, но Наташа в это не верит. – Светка наклонилась к моему уху и заговорщически прошептала: – Она считает, что Виктора убили! Вот так.

– Наташа, если я правильно понимаю, это его вдова, так? – уточнила я для поддержания разговора.

– Правильно понимаешь. Она так любила мужа, так любила... Вот ведь закон подлости – подлецы живут до глубокой старости, а Виктор умер в самом расцвете сил. Знаешь, Таня, а я ведь Наташке всегда завидовала. Ей достался тот редкий образец надежного мужика, за которым любая баба чувству-

ет себя как за каменной стеной. Представляешь, пил только по праздникам и при этом не курил и жене не изменял!

– Откуда ты знаешь, что не изменял? – рассмеялась я.

– Да было дело, в позапрошлый Новый год, – призналась Светка. – Наташка тогда в роддоме лежала, а я с Андреем только-только рассталась, ну и...

– Что ты имеешь в виду? – уточнила я, встретившись в зеркале со Светкиным взглядом, который она быстро отвела в сторону.

– Ну, я позвонила Виктору и попросила его помочь мне шампанское открыть. А когда он пришел, предложила встретить Новый год вместе. Таня, ну что ты на меня так смотришь? Я была одна, он за стенкой – тоже один...

– И он отказался, да?

– Ну почему же? Кузнецов перенес в мою квартиру салатики, купленные им в кулинарии, курицу-гриль, бутылку водки, и мы сели за стол перед телевизором. Часок посидели, а потом он ушел. Таня, понимаешь, Виктор от меня ушел, хотя мы прилично выпили, и я с дури дала ему понять, что он мне нравится.

– А он тебе нравился? – уточнила я.

– Ну, как тебе сказать... Понимаешь, шампанское, свечи и все такое...

– Все ясно, романтическая обстановка вскружила тебе голову, а ему – нет.

– Можно сказать и так. Хорошо, что тогда между нами

ничего не произошло, а то я даже не знаю, как Наташке бы потом в глаза смотрела. В общем, я просто хотела тебе сказать, что Виктор был редким исключением из правил во всех отношениях. За это, похоже, и пострадал, – Светка сделала интригующую паузу. – Да, такие, как он, не вписываются в нашу сволочную жизнь...

– Ну почему же «сволочную»? – удивилась я.

– Ой, вот не тебе, Танюша, задавать мне такие вопросы! Тебе ли не знать, что каждый третий, а то и второй имеет какой-нибудь грешок. Мы с тобой, разумеется, не в счет. А Виктор в таможне работал. – Светка снова понизила голос: – Не исключено, что он контрабандистам каким-нибудь дорожку перешел!

– Ну так уж и контрабандистам, – я не приняла это предположение всерьез.

– Во всяком случае, Наташа именно так думает. Хотя коллеги Виктора ничего такого не подтверждают.

– И с чего же тогда вдова взяла, что он не своей смертью умер? – осведомилась я не без скепсиса.

– Что? Заинтересовалась? – обрадовалась Светка, не придавая значения моей интонации, и мне ее реакция не понравилась.

– Не так, чтобы очень, – возразила я, – так, простое человеческое любопытство.

– Человеческое или профессиональное? – уточнила подруга.

– Дорогая, ты же знаешь, для того, чтобы у меня появился профессиональный интерес, прежде всего мне необходим материальный стимул.

– Вот с этим как раз сложнее, – вздохнула Светка и само-забвенно заработала феном.

Я смотрела на нее и пыталась понять, зачем она пригласила меня в салон. Чтобы по-дружески напомнить о том, что давно пора подкорректировать мою прическу? Или затем, чтобы по-соседски помочь Наташе выяснить, отчего умер ее муж? Судя по тому, как старательно подруга прятала от меня глаза, я поняла, что второй ответ и есть правильный. Сообразив, что Светка пытается сосватать мне благотворительное дельце, я сразу вспомнила о том, что у меня в сумке лежат квитанции, с которыми надо уже наконец разобраться, а дома ждет еще целая куча неотложных дел. Появился бытовой энтузиазм, и я перестала поддерживать разговор о трагической смерти молодого тарасовского таможенника. Светлана несколько раз пыталась возобновить его, но, наткнувшись на неприступную стену моего молчания, заговаривала теперь то о некоем чудодейственном шампуне, то о волшебной пенке для укладки, которые она недавно для себя открыла.

– Если они действительно так хороши, то я, пожалуй, тоже их приобрету, – сказала я. – Ты на мою долю не взяла случайно эти средства?

– Взяла, и даже не случайно, – парикмахерша развернула меня к зеркалу и спросила: – Ну как, нравится?

Наши взгляды снова встретились в зеркале. Я увидела в ее глазах гордость – от хорошо, нет, – отлично выполненной работы. А ведь Светка действительно в очередной раз сотворила с моими волосами чудо. Даже настроение у меня поднялось. Может, я просто выдумала, что она пыталась навязать мне благотворительную работенку? Да, наверное, мне показалось.

Я уже собиралась покинуть салон, когда Светлана, отправившая меня проводить, вдруг спросила:

– Так что мне Наташе сказать? Ты не можешь взяться за ее дело, потому что сейчас занята другим расследованием, да?

Оказывается, моя подружка все еще не оставила своей затеи – вовлечь меня в стройные ряды альтруисток. Я отвела ее чуть в сторонку, подальше от любопытной администраторши, наострившей уши, и попыталась объяснить Светлане свою позицию.

– Света, ты же знаешь, частный сыск – эта моя работа, а не хобби. Я просто не имею право его иметь. Мне в любой момент может состоятельный клиент позвонить. Понимаешь?

– А у Наташи двое мальчиков осталось, – совсем невпопад сказала жалостливая парикмахерша. – Она с ними в декрете сидит. На работу выйти не может, детей не с кем оставить. Ее родители в деревне живут, у них там хозяйство. А со стороны Виктора бабушки и дедушки у них нет. С яслями в Тарасове проблемы... Ладно, Таня, я ведь знала, что ты не согласишься, так, на чудо понаделась... Наташка, конечно,

расстроится...

– Так ты ее уже успела обнадежить? – набросилась я на Светку. – Зачем? Как ты могла?

– Сама не знаю. Как-то так получилось... Вчера девять дней было со дня смерти Виктора. Я помогала Наташе с поминками, а потом, когда все ушли, она поделилась со мной своими подозрениями. Ее рассказ был обильно полит слезами, я расчувствовалась и ляпнула о тебе, ну, что у меня есть подруга, которая может узнать всю правду. А ты ведь можешь это, Танюша, я знаю.

– Света, а ты уверена, что ей нужна правда?

– Ну как, у нее же дети, – тут же привела веский аргумент Светлана, но заметив, что на меня это не произвело особого впечатления, пояснила: – Одно дело – если они вырастут с мыслью о том, что их папа умер от гриппа, пусть и атипичного, и совсем другое дело – если они будут знать, что их отец – герой, что он в одиночку боролся против преступников!

– Например, как Бэтмен или Человек-Паук, – усмехнулась я.

– А почему, собственно, и нет? Знаешь, эти мальчишки такие забавные... На Виктора очень похожи, оба. И потом, если выяснится, что Кузнецов Виктор Александрович погиб при выполнении служебных обязанностей, что его отравили контрабандисты, то это даст право на какие-то дополнительные выплаты. Нет, Таня, ты не думай, Наташа мне об этом ничего не говорила, хотя ей деньги сейчас очень нужны, это

я сама так подумала. Она просто хочет знать правду. И детям, когда они вырастут, тоже нужна будет правда.

Светка знала, что дети – это мое слабое место, вот и давила на жалость.

– Ладно, диктуй номер телефона своей соседки. Я с ней свяжусь и договорюсь о встрече.

«Как-нибудь потом», – добавила я про себя.

– Я ей сама сейчас позвоню, – подруга тут же достала из кармана мобильник и набрала номер: – Наташа, привет! Это я. Да, Татьяна согласилась тебе помочь. Ты сегодня можешь с ней встретиться? Хорошо, жди... Ну что, Таня, Наташа сейчас детей спать укладывает, так что вы как раз можете пообщаться. Где я живу, ты знаешь, а у Кузнецовых двадцать седьмая квартира, этажом выше моей. Только не звони в дверь, чтобы мальчишек не разбудить. Лучше постучи легонько.

– Хорошо, Света, я так и сделаю, – и я направилась к выходу.

– Удачи! – Подруга помахала мне рукой.

Еще никогда я не выходила из салона красоты с такими смешанными чувствами. Вроде Светкиной работой я осталась вполне довольна, а вот осадок от общения с ней остался. Все-таки она должна была сначала посоветоваться со мной, а уже потом что-то своей соседке обещать. Ладно, в конце концов, от меня не убудет, если я пообщаюсь со вдовой. Может, у нее и нет никаких доказательств того, что ее мужа убрали?

Скорее всего, ей просто хочется думать, что ее муж – герой. Так ей легче смириться с утратой.

Я села в свой «Ситроен» и поехала к Наталии Кузнецовой, уверенная в том, что общение с ней много времени у меня не отнимет. Чем ближе я подъезжала к ее дому, тем сильнее меня одолевала мысль – как могло случиться, что молодого, крепкого мужчину сморил грипп, пусть и атипичный? Вроде сейчас эпидемии в нашем городе нет...

* * *

Через каких-то полчаса я уже сидела в небольшой, скромно обставленной гостиной и слушала исповедь Светкиной соседки.

– Я до сих пор не могу поверить, что Вити больше нет. Мне все время кажется, что он на работе, но в любой момент может открыться дверь, и он покажется на пороге. Нет, конечно, умом я понимаю, что этого никогда не произойдет, но так хочется верить в чудо. Мой муж не мог так бессмысленно уйти из жизни. Не мог!

Кажется, мои предположения подтверждались. Наталья свято верила в то, во что ей хотелось верить. Вместо слов дежурного сочувствия я задала ей вопрос в лоб:

– Наташа, скажите, почему вы решили, что вашего мужа убили?

– Я вам сейчас все расскажу. Понимаете, Таня, послед-

нее время – месяц-два – Витя приходил домой очень озабоченным. Он все время о чем-то думал и порой даже не слышал, что я к нему обращаюсь. Конечно, я пыталась выяснить, в чем дело, но Виктор ничего толком мне не объяснял. Лишь однажды он проговорился, что у него на работе какие-то проблемы, но ситуация – штатная, и рано или поздно он с ней справится. Никаких подробностей относительно этой ситуации муж мне не сообщил, и это меня только еще больше насторожило. Я никогда прежде не видела Виктора таким замкнутым, молчаливым. Он даже с мальчишками перестал заниматься. Раньше, бывало, только придет с работы, и сразу – в детскую. Он их по очереди на спине катал, кувыр-кался с ними. Оттуда такой залиvistый смех доносился... А потом он все реже и реже стал с мальчиками играть. Придет, наскоро поужинает, сядет в кресло и все какие-то думы думает. Ребята к нему лезут, тянут его за руки, а он ко мне отсылает. Только я в их игры играть не умею. Книжки им могу почитать, порисовать с ними, а Максимка со Стасом привыкли к подвижным играм с папой. – Наташины глаза наполнились слезами. – Я так надеялась, что все образуется, а потом случайно подслушала один разговор...

– Какой разговор?

– Я была в ванной, купала мальчиков. А потом вышла на секундочку в коридор и услышала, что Витя разговаривает по телефону. У меня и в мыслях не было подслушивать, все получилось само собой. Не затыкать же уши? – смущенно

оправдывалась вдова.

– Да, конечно. И что же вы слышали?

– Муж очень строго сказал кому-то – не надо ему угрожать, это совершенно бесполезно. Все равно он от своего не отступится... Потом Витя оглянулся и увидел меня, и на этом разговор оборвался. Я спросила – с кем он беседовал? Вместо ответа муж сказал, что мне надо срочно уехать с детьми в деревню, к моим родителям. Я ответила, что никуда не поеду, пока он не расскажет, что происходит. Он опять отделался от меня какими-то общими фразами, и все. Это было в четверг вечером, а в пятницу Витя пришел с работы совершенно разбитым – и морально, и физически.

– А если поконкретнее?

– Сначала он отказался ужинать, накричал на меня из-за какого-то пустяка, чего никогда раньше с ним не случалось, и лег спать. Я сказала детям, что папа сильно устал, и всячески удерживала их, чтобы они его не побеспокоили. Ближе к десяти вечера у Вити поднялась высокая температура, его всего знобило. Я дала ему таблетку аспирина, но она не помогла. Потом я нашла в аптечке еще какое-то жаропонижающее средство, но и от него не было никакого эффекта. Виктору становилось все хуже и хуже. Ночью он пожаловался на резкую боль за грудиной, и я хотела вызвать «Скорую», но муж попросил этого не делать, уверил меня, что потерпит до утра, а потом ему вроде бы лучше стало. Во всяком случае, Витя пытался убедить меня в этом, и я, дура, поверила ему.

Никогда себе не прощу...

– Наташа, успокойтесь, не надо винить себя, – мягко сказала я.

– Ну как же мне не винить себя? Если бы я настояла на «Скорой», если бы я вызвала в воскресенье дежурного врача из поликлиники, все было бы иначе... Но Витя упорно отказывался от медицинской помощи. Откровенно говоря, он терпеть не мог ходить по врачам. На моей памяти он всего лишь пару раз простужался и переносил болезнь на ногах. Муж считал баню самым лучшим лекарством. Но в тот день ему было не до парной. Правда, в воскресенье температура действительно немного спала, а в понедельник... в понедельник Витя не проснулся. Таня, вы не представляете, что со мной было, когда я поняла, что мой муж, лежащий рядом со мной, мертв! Если бы не мальчишки, я, наверное, тоже наложила бы на себя руки...

– Света сказала мне, что согласно заключению медиков Виктор умер от атипичного гриппа, так? – уточнила я, прервав Наташу, готовую вот-вот заплакать.

– Да, в справке о смерти так и написано – отек легких, вызванный осложнением со стороны атипичного гриппа. Вы сами можете в этом убедиться. Я на всякий случай сделала ксерокопию, – вдова шмыгнула носом, встала, подошла к шкафу, вынула оттуда какую-то бумажку и сунула мне ее в руки.

Я пробежала глазами заключение патологоанатома Шиль-

дикова. Мне уже не раз доводилось общаться с ним в связи с моими предыдущими расследованиями. Оснований не доверять его компетенции у меня не было.

– Возьмите, – я вернула ксерокопию справки обратно.

– Я не верю в этот диагноз, – обронила Наталья.

– Почему?

– Таня, сами посудите, грипп – болезнь очень заразная, но ведь ни я, ни мальчики не заболели. Тьфу, тьфу, тьфу! – Наташа не только сплюнула три раза через левое плечо, но еще и постучала по деревянному подлокотнику кресла. – А ведь мы находились с Витей в непосредственном контакте. И вообще, будь это правдой, то уж детей-то педиатр точно взял бы под усиленный контроль. Знаете, у нас в прошлом году одна женщина с шестого этажа где-то подцепила краснуху, так к нам сразу участковый врач пришел. Среди медиков такая информация распространяется со скоростью звука. Только не в этом случае. Виктор умер от заразной болезни, а никто даже не подумал о том, чтобы объявить карантин! Зато коллеги мужа очень уж быстро узнали, что Виктор умер, и пришли ко мне с соболезнованиями. Нет, я понимаю – он в понедельник не вышел на работу, но ведь это же не значит, что его больше нет в живых? Мне в тот день совсем не до того было, чтобы позвонить в управление таможни. Они сами как-то обо всем узнали и вечером пришли ко мне.

– Это действительно странно. Хотя мир слухами полнит-

ся.

– Знаете, я тогда не придавала этому факту никакого значения. Я вообще плохо соображала. Это уже после похорон я задумалась кое о чем...

– О чем именно?

– Мне показалось, что речи таможенников на кладбище и на поминках были какими-то неискренними. А Витин друг, Геннадий Танеев, вообще стоял в сторонке и как-то отстраненно наблюдал за происходящим...

– Гена Танеев был другом вашего мужа? – уточнила я.

– Ну да. А вы что, его знаете?

– Мы учились на одном потоке в Академии права. Потом как-то сталкивались по службе, когда я еще в прокуратуре работала.

– Понятно, – обронила вдова и подошла к двери детской, за которой слышалась какая-то возня. – Максимка просыпается. Сейчас Стасика разбудит... Нет, кажется, он снова заснул.

– Значит, Виктор дружил с Танеевым? – Я вернулась к этому вопросу.

– Наверное, я не совсем правильно выразилась. Они скорее приятельствовали, чем дружили. В русскую баню иногда вместе по выходным ходили, на футбольные матчи. Во всяком случае, больше Витя ни с кем из коллег не поддерживал отношений во внерабочее время. Он ведь в таможне не так давно работал, всего около двух лет. Виктор туда из транс-

портной прокуратуры пришел, там его должность сократили.

– Понятно. А чем конкретно он занимался?

– Витя не обсуждал со мной свои служебные дела, просто не имел такой привычки. Я только знаю, что он контролировал железнодорожные грузы.

– Скажите, Наташа, вы дома у себя случайно не находили какие-нибудь бумаги, связанные с растаможкой грузов? Может быть, в вашем домашнем компьютере были какие-то служебные файлы Виктора?

– Вы знаете, я искала, правда, сама не знала, что именно, но ничего, стоящего внимания, к сожалению, не нашла. Ни бумажных, ни электронных документов, которые могли бы хоть что-то прояснить, в доме нет.

– А звонок с угрозами поступил Виктору по мобильному телефону?

– Нет, Витя тогда разговаривал по домашнему телефону. Я понимаю, зацепок практически нет, но Света уверяла, что вы можете вытянуть даже самое безнадежное дело. – Наташа подошла к шкафу, убрала справку, затем вынула какой-то конверт и протянула его мне. – Вот, это вам.

– Что это?

– Ну, это плата за ваши услуги. Там, конечно, немного, но это только аванс. Родители скоро свинью зарежут, сдадут мясо и пришлют мне деньги.

Я смотрела на тоненький конверт и понимала, что вдова собирается отдать мне свои последние сбережения. У меня

не поднялась рука взять их, тем более что дело казалось совершенно бесперспективным. Я ведь не Светка, которую в чем-либо убедить – проще пареной репы. Она с легкостью поверит даже продавцу воздуха, а уж в детективную историю, придуманную ее соседкой, тем более. По существу, Наташа не привела ни одного аргумента, который убедил бы меня в том, что ее мужа убили. Не исключено, что она затеяла это расследование лишь для того, чтобы как-то отделаться от чувства вины. В конце концов, имеется заключение патологоанатома, согласно которому смерть Кузнецова не является насильственной. Действительно, если бы Наталья не стала слушать мужа и вызвала бы врача, возможно, Виктора спасли бы.

Это было не просто – разбить ее иллюзии, но я попыталась:

– Наташа, я не возьму этих денег. Они вам сейчас нужнее. Вам детей поднимать надо. А смерть мужа вам следует принять как данность.

– То есть вы не беретесь за это расследование? Но как же так?! Почему?! Я ведь не смогу свыкнуться со смертью Виктора, пока не узнаю всю правду! А что я ребятам скажу? Они пока не понимают, что больше папу не увидят. Постоянно спрашивают, где он. А когда подрастут, поинтересуются отчего от умер. Я на вас так надеялась... Таня, я вас очень прошу, ради моих детей...

Я старалась не смотреть на вдову, дабы не встречаться с

ее молящим взором, но от просящих интонаций ее голоса скрыться было некуда. Почувствовав, что не смогу просто встать и уйти, лишив Наталью последней надежды, я пообещала:

– Хорошо, я попытаюсь установить истину, причем без всякого материального вознаграждения.

Взять у Кузнецовой последние деньги я, разумеется, не могла.

– Спасибо. Вы такая понимающая! Я думала, такого уже не бывает в наше время. – Было заметно, что мой благотворительный жест потряс вдову. – Я очень надеюсь, что правда скоро откроется.

Наташа открыла шкаф и убрала конверт на место. Я вдруг задумалась – зачем она сделала ксерокопию справки о смерти мужа? Если ее муж был застрахован от несчастных случаев, справка могла бы понадобиться страховой компании. Вот только осложнение инфекционного заболевания, повлекшее за собой смерть, не является страховым случаем. Не поэтому ли Наташа так хочет доказать всем, что на самом деле причина смерти ее мужа заключалась в чем-то другом?

– Наташа, скажите, жизнь вашего мужа была застрахована?

– Да, – обронила Кузнецова, пряча от меня взгляд, а затем, словно оправдываясь, добавила: – Но страховая сумма очень небольшая. Эта страховка была чисто символической.

Проснулись Наташины мальчишки, и я, задав вдове на-

последок еще несколько важных вопросов, поспешила удалиться. Сев в «Ситроен», я задумалась о том, куда мне ехать. Домой? В ЖЭК? Или... Азарт сыщицы затмил мои личные интересы, и я набрала номер мобильного телефона Танеева, которым снабдила меня вдова.

– Алло!

– Здравствуй, Геннадий! Это Татьяна Иванова. Помнишь такую?

Мой институтский знакомый молчал. Похоже, он перебирал в уме несколько кандидаток. Уж что тут поделывать, если у меня достаточно широко распространенное имя и еще более широко распространенная фамилия.

– Так, это какая Татьяна Иванова? Из аптеки, что ли? – наконец осведомился он.

– Нет, Геночка, не из аптеки, – рассмеялась я.

– Все, Таня, вот теперь я тебя узнал! Интересно, чем же я обязан твоему звонку?

Я ответила обтекаемо:

– Да так, дело одно есть. Надо бы встретиться, поговорить.

– Ты бы хоть намекнула, что за дело?

– Ну, к чему намеки по телефону? Все детали – при встрече.

– Иванова, если ты хочешь предложить мне взятку за рас-таможку левого груза, то скажу тебе прямо – все зависит от суммы, – и Танеев саркастически расхохотался.

Это было вполне в его манере. Я еще по институту пом-

нила веселый Генкин нрав и его довольно своеобразное чувство юмора.

– Похоже, ты заинтересован в нашей встрече, поэтому предлагаю не откладывать дело в долгий ящик и увидеться сегодня.

– Я не против, если ты обещаешь, что не воспользуется диктофоном, – продолжал юморить Танеев.

Откровенно говоря, я оценила его чувство юмора на трючку, но вынужденно приняла его правила игры.

– Обещаю и, в свою очередь, надеюсь, что в твоём мобильнике нет такой опции, а если и есть, то ты не умеешь ей пользоваться.

– Ради дела придется разучиться, – усмехнулся Танеев, потом, вдруг как-то разом посерьезнев, спросил: – Сегодня, в восемнадцать тридцать, у старого корпуса Академии права, тебя устроит?

– Вполне.

– Тогда до встречи.

Глава 2

– Ну, привет, старуха! – Генка панибратски хлопнул меня по плечу.

– Почему сразу «старуха»? – Я сделала вид, что обиделась.

– Потому что мы знакомы с тобой уже сто лет. Разве не так?

– Ты, конечно, сильно преувеличил, старик, но так и быть, я прощаю тебе эту оплошность.

Танеев был в своем репертуаре. Те же плоские шуточки. Тот же приторный парфюм. Да, не сильно изменился он за те два с лишним года, что мы не виделись. Даже трехдневная щетина не добавляла ему зрелости и мужественности.

– Даже не думал, что мои слова так тебя заденут. Ты вроде не из тех, кто страдает комплексом неполноценности, чтобы при слове «старуха» падать в обморок, – Танеев как-то неприятно хохотнул.

Его шутовское настроение никак не располагало к серьезному разговору, поэтому я не спешила расспрашивать его о покойном Викторе Кузнецове. Ждала более подходящего момента. Да и Генка не проявил любопытства относительно моих намерений. Мы пошли по аллее вперед, вспоминая наших общих знакомых. Танеев зло иронизировал над нашими бывшими однокашниками, некоторые из которых занимали теперь очень даже высокие посты, и мне этот разговор был

неприятен. Я могла себе представить, как он за глаза отозвался бы обо мне: «Таньку Иванову помнишь? Так вот, ее из прокуратуры выперли, из-за того, что мужики ее там поделить между собой не смогли. Короче, с формулировкой «да не доставайся же ты никому!». Теперь она в частный сыск ударилась». На самом деле все было не так. Мне просто надоело прогибаться под корыстных начальников, которые строили себе дачи и покупали машины на взятки. Никто меня из органов не выгонял. Я ушла сама...

Наконец Танеев устал от собственной язвительности.

– Гена, а ведь я хотела с тобой о Викторе Кузнецове поговорить.

– Интересно, с чего бы это вдруг? – удивился он. – Откуда ты его вообще знаешь? Он вроде в Москве учился, а не здесь.

– Зато жили мы в одном городе. Ты ведь с ним работал и даже дружил? – проявила я свою осведомленность.

– Допустим, – подтвердил мой одноклассник.

– Знаешь, у меня в голове не укладывается – такой молодой, и умер от банального гриппа.

– Ну, во-первых, не от банального, а от атипичного. А во-вторых, вирусы – это такая коварная штука... Тань, а ты почему вдруг Кузнецовым заинтересовалась?

– Ну, разумеется, по роду своей деятельности.

– Я в курсе, что ты частным сыском сейчас занимаешься. Только смерть Виктора тебя каким боком касается, я не пойму? Неужели здесь что-то личное?

– Гена, скажи мне честно и без всяких острот: ты уверен, что Кузнецов действительно умер от гриппа?

– Таня, ну какие тут могут быть остроты, тем более что Витька был моим другом. Да, конечно, смерть нелепая, но как говорится, никто из нас от этого не застрахован. Таня, ты так и не объяснила, почему Кузнецовым интересуешься? Неужели тебя Наталья наняла? – Я не подтвердила и не опровергла этого предположения. Но Танеев и не ждал моего ответа, он сам вдруг признался: – Я в курсе, она считает, будто Витю того... в общем, убрали, но поверь мне, эта версия лишена каких бы то ни было оснований. Я уже говорил ей, что не стоит забивать этим голову, надо как-то привыкать жить без Виктора. Мне показалось, что она вняла моим словам, но выходит – нет.

– А ты, значит, уже привык жить без Кузнецова? Никакой скорби в твоих глазах я что-то не вижу. А еще и двух недель со дня его смерти не прошло.

– Мне, что же, в монастырь теперь уйти? Не дожدهшься! Я понимаю, что смерть – это всего лишь старый долг, который рано или поздно всем нам приходится возвращать. Кузнецов вот уже его вернул. А я пока что в должниках хожу. Да и ты тоже.

– Это ты сам такую философию придумал? – удивилась я глубине Генкиной мысли.

– Нет, один умный человек мне подсказал, причем не мне одному, а всему человечеству.

– И кто же это?

– Эйнштейн. Это часть его теории относительности. В общем, так, Иванова, я потерял друга, но это не значит, что моя жизнь на этом тоже остановилась. Да и Наталья... чем раньше она смирится с этой потерей, тем будет лучше для нее же. Ну вот зачем она затеяла какое-то расследование на пустом месте? Не понимаю.

Взглянув на эту ситуацию со стороны, я вдруг нашла оправдание ее поступку.

– Знаешь, Наташу вполне можно понять. Ее муж последние два месяца возвращался домой, терзаемый какими-то неразрешимыми думами. Потом еще эти угрозы по телефону, и после этого эпизода он просит жену уехать с детьми в деревню. А на следующий день он приходит домой совершенно больной и за трое неполных суток угасает как свечка. Разве эта внезапная болезнь не похожа на сведение счетов? Например, с помощью яда.

– Яда?! Какого еще яда?! С чего ты это взяла?

– Я встречалась в своей практике с такими случаями, когда симптомы отравления очень походили на простудное заболевание. И в этом – коварство некоторых ядов. Жертвы не спешили обращаться к врачам, потом им даже на какое-то время становилось лучше, а потом – резкое ухудшение и быстрый летальный исход.

– Таня, если бы Кузнецова отравили, экспертиза это установила бы, – вполне резонно заметил Танеев. – Но вскрытие

и лабораторные анализы показали, что Виктор болел гриппом, давшим осложнение на легкие. С этим не поспоришь.

– Слушай, Гена, а ты от кого узнал о его смерти?

– Шеф сказал.

– А тот откуда узнал?

– Без понятия. Наверное, Наталья ему позвонила.

Я знала, что Кузнецова не оповещала начальника Виктора о его смерти, но не стала дальше муссировать эту тему. Перешла к другому аспекту:

– Непонятно, где Виктор подцепил этот атипичный грипп...

– Наверняка заразился от какого-нибудь пассажира, следующего из Средней Азии в Москву через Тарасов. Таня, ты бы видела этих таджиков и киргизов! Хуже цыган...

– Разве Кузнецов занимался таможенным досмотром пассажиров? Я думала, что в его должностные обязанности входило растаможивание грузов.

– Все-то ты знаешь! Да, именно грузами он и ведал, но иногда, примерно раз в месяц, когда заступал на круглосуточное дежурство, ему приходилось проводить таможенный контроль в пассажирских поездах.

– Понятно. Гена, у него были какие-нибудь проблемы на работе?

– Ну, как тебе сказать? Наша работа как раз и состоит в том, чтобы решать проблемы той или иной сложности. Кстати, Кузнецов с этим прекрасно справлялся. Такой ответ тебя

устраивает?

Ответ был уклончивым, и он меня, разумеется, не устраивал. Я должна была как-то разговорить Танеева, поэтому спросила:

– Гена, неужели ты не замечал, что в последнее время Виктор был сам не свой?

– Я не только это замечал, но даже знал, в чем причина его столь упаднических настроений, – признался мой однокурсник.

– И в чем же?

– Таня, поверь мне на слово – ни тебе, ни Наталье знать об этом совсем необязательно, точнее, даже противопоказано.

– Значит, тайна все-таки существует? – Я поймала Танеева на слове.

Он попытался вывернуться:

– Ну, допустим, существует, только она никак не связана с Витькиной смертью.

– Позволь мне тебе не поверить.

– Я тебе «холодно» говорю, а ты мне – «горячо». Иванова, ну что ты за человек?

– Я в данном случае частный детектив.

– Без разницы. Если я говорю, что эта тайна никак не связана с каким-либо преступлением, значит, так и есть, – стоял на своем Танеев.

– Гена, уж прости меня, но твоя загадочность только распаляет мою подозрительность. Если ты не расскажешь, ка-

кими мыслями была занята голова Кузнецова в течение последних двух месяцев его жизни, я поищу другие источники информации.

– Только этого не хватало! Ладно, Иванова, я тебе приоткрою завесу над тайной Виктора, но только в том случае, если ты мне пообещаешь: Наталья ничего об этом не узнает.

– Клянусь нашим студенческим братством, – я повернула голову в сторону Академии права. Все это выглядело пафосно, зато искренне.

– Было бы еще неплохо положить руку на Библию или на Уголовный кодекс, но, поскольку их под рукой нет, так и быть, я тебе поверю на слово. Слушай, мы с тобой уже зашли черт-те куда! Может, двинемся в обратную сторону?

– Танеев, это ты сейчас в буквальном смысле или в переносном?

– Конечно, в буквальном.

– Ну хорошо, тогда поворачиваем обратно. Ну так о чем я должна хранить молчание? – Я подтолкнула Генку к дальнейшим откровениям.

– Ладно, думаю, Виктор простит мне мою словесную невольность. В общем, был у него один грешок, – Танеев сделал небольшую паузу, – по имени Анжелика. Их... отношения, если я не ошибаюсь, года два длились. Скажу тебе больше, Витек скрывал от нее, что он женат и двоих детей в браке нажил... А недавно этот обман открылся. Анжелика где-то увидела Кузнецова со всем семейством и устроила

ему на следующий день скандал. Уж не знаю, как там Витька перед ней оправдывался, но, похоже, получилось это у него плохо. Официанточка оказалась слишком гордой, обман ему не простила и дала Кузнецову отвод. Только Витька к ней сильно прикипел, поэтому всячески пытался вернуть ее расположение. Тань, вот скажи, ты бы устояла, если бы тебе курьер каждый день букет цветов приносил?

– Да легко! – ответила я, не задумываясь.

– Правда, что ли? Ну, значит, ты – второе исключение из правил. Лично у меня пару раз такие трюки срабатывали.

– Гена, не отвлекайся. Что дальше-то было?

– А что было? Ничего особенного. Кузнецов пообещал Анжелике развестись и даже всерьез задумался о разводе.

– Да ладно?! – не поверила я.

– Так и есть. Виктор у меня даже спрашивал – есть ли у него шанс, что суд отдаст одного сына ему? Я ему сказал прямо – маловероятно. Близнецов разделять не принято. Они даже в армии вместе служат.

– Неужели у него все это было настолько серьезно?

– А ты как думала? Эта Анжелика, знаешь, какая? Ноги от ушей и бюст четвертого размера, не меньше. Я даже как-то раз ради интереса пошел в «Дольче виту» на нее посмотреть. Хороша девочка! Расстаться с такой красоткой действительно невозможно. А вот насчет «жениться» – тут вопрос спорный. Вот как раз из-за таких красотулечек на второй год семейной жизни у мужа рога начинают расти... В общем, Куз-

нецов крепко с ней попал в тиски. Честно говоря, я даже не знаю, к чему бы эта страсть привела, если бы не его смерть. Ну что, Таня, молчишь? – спросил Танеев без всякого перехода. – Вопросы закончились?

– Вопросы-то еще есть в запасе, только я пока не знаю, имеется ли смысл их задавать. – Откровенно говоря, эта любовная история меня обескуражила.

– Да ладно, хватит уже напускать на себя важность! Признай, что не повезло тебе с клиенткой. Расследовать тут совершенно нечего. Могла бы мне сразу поверить и не заставлять меня поминать лихом недавно почившего друга, – упрекнул меня Геннадий. Мы вернулись на то место, где встретились. – Слушай, кажется, дождь начинается. Пора по домам разбегаться.

– Да, пора. Спасибо, Гена, за помощь.

– Да не за что. Обращайся, если что, – однокашник дружески пожал мне руку и поспешил в сторону шестнадцатипятиэтажной «свечки», стоявшей на другой стороне улицы.

Я проводила его взглядом, а затем направилась к парковке, где оставила свой «Ситроен». История, рассказанная Танеевым, хоть и оказалась для меня полной неожиданностью, но вполне резонировала с рассказом вдовы. Похоже, Виктор относился к той категории мужчин, которым ловко удается совмещать роли примерного семьянина и завидного жениха. Во всяком случае, Анжелика даже не подозревала о том, что Кузнецов женат, пока случайно не встретила его с супругой и

детьми. А Наталья так и не узнала об измене мужа. Как выясняется, это была не просто мимолетная интрижка, а сильная страсть, ради которой Виктор даже почти решился на развод. Она иссушила его, убила напрочь иммунитет, сделала молодой здоровый организм мишенью для коварного вируса... Я невольно вспомнила, что Светлана пыталась соблазнить соседа, пока его жена лежала в роддоме. Кузнецов не поддался ее чарам, и моя наивная подружка пришла к выводу, что он из тех редких особей мужского пола, кто придерживается принципов моногамии. Она жестоко ошиблась! Уже тогда в жизни Виктора была сногшибательная красавица Анжелика. Если Генка ничего не напутал, в то время роман Виктора с этой официанткой из кафе «Дольче вита» только-только начинался. Странно, что они не вместе встречали Новый год.

Ну вот, все встало на свои места. Никакого преступления не было, стало быть, расследовать мне нечего. Надо только убедить в этом Наталью. Она ведь считает своего мужа супергероем, пострадавшим за идею, а вовсе не каким-то банальным героем-любовником, нежданно-негаданно потерпевшим фиаско. Разумеется, я не собиралась развенчивать миф, придуманный Наташей о ее супруге. Пусть она продолжает хранить в своей душе светлую память о муже и отце своих детей.

Я уже была на полпути к своему дому, когда у меня в голове оформился вопрос – а как же телефонные угрозы? Тут же возник и другой – а были ли они на самом деле? Я вспомни-

ла, с какими интонациями Наташа мне рассказывала о них, и пришла к выводу, что она соврала. Вдова не могла не понимать, что у нее нет никаких доказательств, вот и придумала эту мнимую угрозу. Возможно, Виктор действительно предлагал ей уехать в деревню (и это – в сезон осенних дождей!), вот она и предположила, что им движет желание оградить семью от какой-то опасности. Разве Наталья способна была допустить такую мысль, что стоит ей взять детей и уехать, как муженек тут же с радостью объявит Анжелике о своей свободе? Скорее всего, у него хватило бы наглости привести девушку в свою «холостяцкую» квартиру. Только злая старушка-смерть спутала все его планы...

Планы! У меня ведь тоже имелись свои планы на этот день. Конечно, в ЖЭК я уже не успею, а вот в магазин за продуктами не мешало бы заехать. Я остановилась около супермаркета и пошла за покупками.

Остаток дня я провела за домашними хлопотами. Кое-что из списка неотложных дел осталось на завтра – страховка, стиральная машина и квитанция за коммунальные услуги. Я легла спать пораньше, проспала всю ночь как убитая, встала попозже и поняла, что чувствую себя отдохнувшей, а потому готовой свернуть любые горы. После завтрака я позвонила в бюро гарантийного ремонта бытовой техники, вызвала мастера на вечер, а затем договорилась о встрече со страховым агентом. Через какой-то час полис ОСАГО был уже у меня на руках. Остался нерешенным только один вопрос.

Из страховой компании я поехала в ЖЭК. Уже выйдя из машины, я увидела на другой стороне улицы вывеску «Дольче вита». Именно там работала Анжелика. Мне безумно захотелось увидеть эту девушку. В голове так и слышалось тaneeвское восторженное: «Хороша девочка! Расстаться с такой красоткой действительно невозможно. А вот насчет «жениться» – тут вопрос спорный. Вот как раз из-за таких красотулечек на второй год семейной жизни у мужа рога начинают расти».

Я хлопнула дверцей, включила брелоком сигнализацию и пошла в кафе, в котором мне прежде не доводилось бывать. Заведение было премиленьким и вполне оправдывало свое название «Сладкая жизнь», ведь именно так оно звучало в переводе с итальянского. Я села за столик и пролистала меню. Двадцать пять сортов пирожных, примерно столько же видов фруктовых десертов, мороженое на любой, даже самый экзотический, вкус. Честно говоря, я растерялась.

– Вы уже определились с выбором? – обратилась ко мне официантка. На бейджике, приколотом к ажурной кофточке, было написано ее имя. Девушка оказалась моей тезкой, но даже если бы я не знала, как ее зовут, все равно поняла бы, что это не та, ради которой я сюда вошла. Она показалась мне весьма посредственной внешне, к тому же была очень маленького роста.

– Пока нет, – ответила я. Официантка мило улыбнулась и направилась к другому столику.

Я огляделась по сторонам и вдруг увидела высокую брюнетку в такой же униформе, что и Таня. Кружевная полупрозрачная блузка и пышная мини-юбка смотрелись на этой размалеванной девице более чем вульгарно. Казалось, что это – работница сферы интимных услуг, а вовсе не общепита. Да, Гена, безусловно, угадал с размером ее лифчика. Четвертый номер, не меньше. И кофточка ей явно маловата. Все прелести так и выпирают наружу. Официантка подошла поближе, я прочитала надпись на бейджике и удостоверилась, что это и есть Анжелика. Сексуально покачивая бедрами, она продефилировала мимо меня. Пришлось ее окликнуть:

– Девушка, примите заказ!

Она остановилась, оглянулась, смерила меня отнюдь не дружелюбным взглядом, но все-таки сооблаговолила вернуться на два шага обратно и выдавить:

– Говорите.

– Пожалуйста, чашку эспрессо и одно пирожное-тирамису.

– И это все?

– Пока да.

– Ждите, – обнадежила меня Анжелика и устремилась к столику, за которым сидел мужчина лет тридцати с девочкой детсадовского возраста.

Официантка наклонилась к столику, бесстыдно демонстрируя клиенту «зону» своего декольте, и начала собирать опустевшие вазочки от десертов. Мужчина, не стесняясь, пя-

лился на нее, покуда она не разогнулась, а затем, к вящей радости своей дочки, вместо счета попросил принести еще мороженое. Разумеется, Анжелика обслужила сначала его, потом приняла заказ у только что появившихся в кафе тинейджеров, а уже потом соизволила принести мне кофе и кусочек тортика. Я невольно сравнила Наташу с Анжеликой. С моей точки зрения, жена Кузнецова – намного симпатичнее его любовницы. Но вкусы у всех разные. Кому-то нравится белковый крем, а кому-то – масляный.

Было сложно не заметить, что Анжелика по-разному относится к посетителям мужского и женского пола. Она явно благоволила к первой категории, причем не взирая на возраст. А вот женщин она недолюбливала. Я поняла, что означает ее ехидная улыбка, обращенная ко мне, когда я пригубила кофе. Это был не эспрессо, а американо. И чем же я ей не угодила? Нет, не так. Чем все женщины ей не угодили? Неужели Анжелика в каждой видит соперницу? Я наблюдала за тем, как она оттолкнула Таню и бросилась к какому-то весьма импозантному дедушке, вошедшему в кафе.

За какие-то полчаса, в течение которых длинноногая официантка то и дело мелькала у меня перед глазами, я успела проникнуться стойкой антипатией к ней. Захотелось поставить ее на место, и я придумала, как это сделать. Когда Анжелика принесла мне счет, вместе с деньгами я положила на стол свою визитку.

– Это еще зачем? – недовольно пробурчала она.

– Это моя визитная карточка.

– Вижу, что не сторублевая купюра. Зачем она мне нужна? – Анжелика откинула наманикюренным ноготком мою визитку в сторону.

– А затем, что я частный детектив и расследую дело, в котором вы по уши замешаны.

– Да что еще за глупость такая? Какое дело? Я сейчас охранника позову, – пригрозила мне официантка, но я не испугалась.

Во-первых, я не видела в кафе никакого охранника. А во-вторых, я уловила смятение в глазах официантки. Это меня вдохновило на следующую реплику:

– Я расследую убийство Виктора Кузнецова. Хотите поговорить об этом в присутствии посторонних лиц?

– А что, разве Витю убили? – Анжелика присела на стул, у которого стояла, и уставилась на меня растерянным взглядом.

– Будто вы не знаете?

– Нет, я знаю, что он умер. Но разве это было убийство?

– Есть такая версия, – я напустила на себя побольше загадочности.

– Вам, конечно, виднее, только я к этому не имею никакого отношения. Мы с ним вообще два месяца тому назад расстались.

– И что же, больше не виделись? – недоверчиво осведомилась я.

– Виделись. Он мне проходу не давал. Даже обещал развестись, чтобы на мне жениться. Так я ему и поверила! Но даже если и так... Зачем мне алиментщик? У него ведь двое детей оказалось. Обманщик! Почти два года вешал мне лапшу на уши, что не женат, что любит меня. Оказалось, все врало. В итоге Витька мне так опротивел, что я его видеть больше не могла.

– Ну вот, Анжелика, вы и проговорились.

– В смысле? – Официантка вытаращила на меня свои жирно подведенные глаза.

– Кузнецов вас преследовал, мешал вам устраивать личную жизнь, и вы решились на крайние меры...

– Ну да, было дело, – вдруг призналась девушка, и я даже пожалела, что не успела включить диктофон. – Мне ничего не оставалось, кроме того, чтобы пригрозить ему.

Девушка на миг отвела взгляд в сторону, и я украдкой нажала на соответствующую кнопку своего мобильного, включив запись.

– Значит, вы признаетесь, что угрожали Виктору Кузнецову? – осведомилась я. – Как именно?

– Я пообещала ему: если он не отстанет от меня, то мне придется все рассказать его жене. Пусть знает, с кем живет! Витька мне не поверил, тогда я позвонила ему домой, только трубку он сам взял. Мы пообщались с ним на повышенных тонах, и после этого Кузнецов оставил меня в покое. Я так обрадовалась, что он наконец-то все понял, а потом узнала,

что он умер от какой-то страшной болезни, чуть ли не от холеры.

– И кто же вам это сказал? – осведомилась я.

– Вообще-то это не мне сказали. Это я разговор один случайно подслушала. Ведь Виктор в управлении таможенной службы работал, а это здесь, неподалеку. Его сотрудники частенько к нам перекусить заходят. Мы с Кузнецовым здесь и познакомились. Представляете, он говорил, что готов связать себя узами брака со мной, его, мол, только квартирный вопрос останавливает. Он, видите ли, живет с родителями в малогабаритной квартирке, а ко мне переехать ему самолюбие не позволяет. Я уши развесила и ждала, когда он квартиру служебную получит. А потом как-то увидела его возле «Детского мира» с женой и двумя детьми. Вот сволочь! Ой, про покойника, конечно, так говорить нельзя, у меня это как-то само собой вырвалось, – девушка прикусила язычок.

– Анжелика, хватит болтать! – обратилась к ней официантка Таня. – Видишь, в кафе народ повалил? Я одна не справляюсь.

– Да, уже иду, – бросила она своей коллеге и нехотя поднялась со стула. – У вас ко мне вопросы еще есть?

– Пока нет, но, если появятся, я снова побеспокою вас, – пообещала я.

Она ничего не ответила и направилась к столику, за которым сидели двое мужчин. Я вышла из кафе и направилась в ЖЭК.

Несмотря на отсутствие с моей стороны каких-либо симпатий к Анжелике, я не могла ей не поверить. Она подтвердила то, что рассказал мне вчера Генка Танеев, и прояснила ситуацию с телефонными угрозами. Вряд ли попытка Анжелики запугать бывшего любовника тем, что она расскажет Наташе о его изменах, оказалась бы продуктивной. Но официантка с большим бюстом и маленьким умишком сделала то, на что хватило ее фантазии. Теперь все окончательно встало на свои места. Кузнецова не убили, он умер своей смертью. Для пущей убедительности я вознамерилась было бросить гадальные двенадцатигранники, чтобы узнать их мнение на этот счет, но тут пришел мастер по ремонту стиральных машин, и я отложила гадание на потом.

Неполадка оказалась сущим пустячком – просто-напросто где-то отошел контакт. После ухода мастера я вспомнила о гадальных косточках и вынула из тумбочки в прихожей малиновый мешочек, в котором они лежали. В этот момент зазвонили в дверь. От неожиданности я вздрогнула и выронила содержимое мешочка на пол. Прежде чем открыть дверь, я присмотрелась к числам на их гранях. «19+1+34» – таково было их сочетание.

Я посмотрела в глазок, увидела на площадке Светку и открыла ей дверь.

– Привет! – Подружка чмокнула меня в щечку. – Не помешаю?

– Нет, конечно, проходи!

Пока Светлана раздевалась и разувалась, я заглянула в распечатку и уточнила, как следует трактовать выпавшую комбинацию чисел. Двенадцатигранные косточки говорили: «Увлечение делом. Живой интерес к нему не позволит лени проникнуть в вашу жизнь».

– Вообще-то я к тебе ненадолго, – предупредила подружка, – пришла узнать, как продвигается твое расследование.

Разумеется, я уже и сама догадалась, что цель Светкиного визита именно в этом. Хорошо, что она не стала убеждать меня в том, что случайно шла мимо и решила заглянуть на огонек. Я все равно бы ей не поверила.

– Кофе будешь? – спросила я.

– Таня, ты же знаешь, что отказаться от него невозможно.

– Тогда пошли в кухню.

Во время священного для меня процесса приготовления кофе я молчала. Светка не лезла ко мне с вопросами, потому что знала, насколько серьезно я отношусь к этому занятию. Но когда густой ароматный напиток был разлит по чашкам, она спросила:

– Ну что, как продвигается дело?

– Собственно, я его уже закончила.

– Таня, только не говори, что все безнадежно!

– Что безнадежно? Получение страховки?

– Какой еще страховки? – Парикмахерша в недоумении уставилась на меня.

– Жизнь Виктора была застрахована от несчастных случаев. Ты знала об этом?

– Таня, к чему ты мне это говоришь?

Я и сама не знала, зачем начала свой разговор с подружкой именно с этого. Возможно, потому, что мне не хотелось рассказывать ей об Анжелике. Все-таки я поклялась Танееву, что сохраню тайну его друга. Если поставить Светку в известность, что Виктор изменял жене с официанткой, она непременно проболтается об этом соседке. Пусть не сразу, а когда-нибудь потом, при случае, но проболтается.

– Я говорю то, что думаю. Знаешь, я бы порадовалась за Наташу, если бы ей удалось получить страховые выплаты, но, поверь мне, это нереально. Виктора никто не убивал. Во всяком случае, я не нашла никакого подтверждения этому.

– А как же угрозы по телефону? – осведомилась Светлана.

– Я выяснила, с кем и о чем Кузнецов говорил. Поверь мне, угроза была скорее шуточной, чем реальной.

– И кто же это такой шутник? – Подружка, разумеется, не могла не спросить об этом.

– Света, я, конечно, могу назвать тебе имя, но оно ни о чем тебе, да и Наташе, не скажет.

– Ну допустим, а почему Виктор в последнее время был как в воду опущенный?

– Знаешь, у него были кое-какие проблемы... межлич-

ностного характера, – уточнила я, что отчасти было правдой.

– В смысле? Он конфликтовал с кем-то из начальства? – предположила подруга.

– Типа того, – подтвердила я, испытывая легкие угрызения совести, потому что мне пришлось уклониться от истины. – Света, скажу тебе больше: именно Виктор оказался не прав в создавшейся ситуации. А вообще, знаешь, о покойниках не принято плохо говорить, так что не заставляй меня пересказывать подробности.

– Если ты считаешь, что никакого преступления не было, значит, так и есть. – Светку явно разочаровало это обстоятельство. – Только ты сама скажешь об этом Наташе, ладно?

– А может, ты?

– Нет, Таня. Лучше, если ты дашь ей официальный ответ.

– Хорошо, я как-нибудь потом к ней заеду, – пообещала я.

Светлана не стала долго у меня засиживаться. Когда она ушла, я задумалась о предсказании гадалых двенадцатигранников. Выходило, что расследование, которое подбросила мне подруга, больше всего необходимо не кому-нибудь, а мне самой, чтобы выйти из апатии. Не больше и не меньше. Что же касается обещания зайти к Наталье, то словечко «потом» давало мне шанс для маневра. Необязательно делать это завтра, как-нибудь потом.

Глава 3

На следующее утро, когда я сидела в кухне за завтраком, раздался телефонный звонок. Ответив, я услышала женский голос:

– Здравствуйте! Я хотела бы поговорить с Ивановой Татьяной Александровной.

– Это я. Слушаю вас.

– Дело в том, что мне срочно требуются услуги частного детектива, – голос был лишен каких бы то ни было эмоций. – Вы сейчас свободны?

– Да, свободна.

– Вы могли бы приехать ко мне домой? – осведомилась потенциальная клиентка.

– Конечно. Говорите адрес, – попросила я и потянулась за бумагой и карандашом. Записав координаты, я уточнила: – Скажите, в чем состоит суть предстоящего мне расследования?

– Я не могу говорить об этом по телефону. Прошу вас, приезжайте как можно скорее.

– Хорошо, я буду у вас в течение часа.

Клиентка проживала в поселке Мелиораторов, входящем в черту города, в частном доме. Возможно, там произошло некое преступление, заставившее женщину обратиться к моим услугам. Я просмотрела содержимое своей сумки, попол-

нила его кое-какими прибаумбасами из своего рабочего арсенала и вскоре уже сидела за рулем «Ситроена».

* * *

Двухэтажный дом из красного кирпича, значившийся под нужным мне номером, находился в самом конце Бирюзовой улицы. За ним начинались поля учебного хозяйства аграрного института. Я вылезла из машины, подошла к двери, и мне даже не понадобилось нажимать на звонок. Дверь отворилась, и я увидела высокую женщину лет пятидесяти в черном траурном одеянии.

– Татьяна Иванова, – назвалась я.

– Спасибо, что не заставили меня долго ждать, – она посторонилась, давая мне возможность войти в дом.

– Вас зовут...

– Да, простите, что не представилась вам по телефону. Краснощекова Валерия Юрьевна, – отрекомендовалась клиентка. – Пожалуйста, не разувайтесь. Тренчкот можете оставить здесь. Проходите в гостиную. Татьяна Александровна, я должна вас предупредить, что вам предстоит заняться очень необычным делом. Не удивлюсь, если никто, никогда и нигде не расследовал ничего подобного. То, что здесь случилось, выходит за все рамки. Поначалу я сама отказывалась верить в очевидное.

– Тогда давайте сразу же перейдем к существу вопроса, –

попросила я, уже в достаточной степени заинтригованная.

– А вопрос такой – кто и зачем украл труп моего мужа?

Я вдруг подумала, что имею дело с гражданкой, выжившей из ума. В голосе Валерии Юрьевны по-прежнему не слышалось никаких эмоций, а ее неестественно-бледное лицо казалось абсолютно статичным, даже в тот момент, когда она говорила. Пауза затянулась, и я поняла, что должна срочно ее нарушить:

– Как давно умер ваш муж?

– Двадцать шестого октября.

Произведя в уме нехитрые вычисления, я поняла, что это случилось четыре дня тому назад.

– Причина смерти?

– Инфаркт миокарда. Вот здесь, – вдова указала пальцем на середину гостиной, – стоял гроб с его телом. Отсюда он и пропал.

Это прозвучало настолько сюрреалистично, что у меня невольно вырвалось:

– А вы вообще уверены, что ваш муж... умер?

– Вообще-то он умер еще по дороге в больницу, так что «Скорая» доставила его прямиком в морг. Там сделали вскрытие, установили причину смерти, которую я вам уже назвала. Если я не ошибаюсь, фамилия патологоанатома – Шильдиков. Можете поговорить с ним, если не верите мне относительно того, что мой муж был мертв, – в голосе клиентки впервые слышались хоть какие-то эмоции. Мой

опрометчивый вопрос вызвал у нее раздражение.

– Я вам верю, – сказала я примирительно, про себя отметив, что вскрытие тела Краснощекова делал тот же патологоанатом, что и в случае с Виктором Кузнецовым.

– Из морга работники бюро ритуальных услуг «Харон» привезли тело моего мужа в гробу сюда в дом. Это произошло во второй половине дня. На следующий день, то есть на вчерашний, были назначены похороны. Вы, вероятно, хотите спросить меня, где я сама была позапрошлой ночью? Признаюсь вам, я недолго сидела у гроба. Я выпила успокоительные таблетки, и меня начал одолевать сон. Я поднялась в свою спальню и проспала примерно до семи часов утра. Так вот, утром я спустилась и не поверила собственным глазам – Семена здесь не было. Только траурный венок из искусственной хвои напоминал о том, что в доме еще совсем недавно находился покойник. Еще я обнаружила, что входная дверь приоткрыта. Хотя я точно помнила, что закрывала ее на два замка.

– Позвольте, я осмотрю дверь?

– Вы хотите найти признаки взлома или отпечатки пальцев?

– И то и другое.

– Я не знаю, кто и как открыл дверь, но замки не были испорчены. Тем не менее я еще вчера вечером вызвала слесаря, и он поменял оба замка. Что касается отпечатков пальцев, то, скорее всего, нужных вам не только на двери, но и

где-либо в доме уже не осталось.

– Валерия Юрьевна, скажите, вы жили с мужем вдвоем в этом доме? – уточнила я.

– Да, вдвоем. Наш сын Алеша умер уже давно, еще ребенком. Семнадцать лет тому назад он попал под машину. Но это совсем другая история.

– Простите, что заставила вас вспомнить об этом.

– Ничего, я уже справилась с этой потерей и теперь могу вспоминать об Алеше без слез, – при воспоминании о сыне лицо Краснощековой немного ожило, но через несколько секунд она снова надела на него непроницаемую маску.

– То есть ни у кого больше нет ключей от вашего дома?

– Есть, у моей помощницы по хозяйству, но вряд ли она имеет к случившемуся какое-то отношение. Оля панически боится не только покойников, но и всякую похоронную атрибутику. Она даже мимо агентств ритуальных услуг пройти не в состоянии, поэтому обходит подобные заведения за три версты. Так что я отпустила ее на незапланированные выходные как только узнала, что Семен умер.

– Скажите, эта Оля у вас давно работает?

– Да, уже года три. Она здесь же, в поселке, живет, на соседней улице. Кстати, она скоро придет.

– Валерия Юрьевна, если я правильно поняла, вы не заявляли в милицию об исчезновении тела?

– Нет, не заявляла. А зачем? Они и живых-то людей толком не ищут. Так неужели станут искать мертвого? Да и скан-

дал вокруг имени Семена мне совсем не нужен. Я нашла способ, как его избежать.

– И как же?

– Я позвонила в «Харон» и отказалась от их услуг. Сказала, что родственники мужа решили предать его тело земле в деревне, на его малой родине, а у меня будто бы нет моральных сил им воспротивиться. Конечно, там были в совершенном недоумении, ведь могилу на Сторожовском кладбище уже выкопали, катафалк и бригада были зарезервированы, а все услуги заранее оплачены. Меня забросали вопросами, но, как только в ритуальном бюро поняли, что я не собираюсь требовать возврата денег, они сразу же успокоились и приняли мой отвод. Разве что «спасибо» не сказали. Когда этот вопрос был закрыт, я поехала в другое агентство, в «Натрон», и приобрела там вот эту фарфоровую урну, – вдова подошла к каминной полке и взяла в руки фарфоровую вазу. – Мне пришлось сказать всем, кто пришел проводить Семена Семеновича в последний путь, что он еще при жизни не раз выражал желание подвергнуться кремации после своей смерти. Несколько часов я принимала здесь соболезнования, а к трем часам дня мы отправились на поминальный обед в кафе «Зодиак». Это здесь, неподалеку. Так что скандала не получилось.

– Вы пошли на очень смелое предприятие, – заметила я, пребывая в некотором шоке от услышанного. Новоиспеченная вдова проявила прямо-таки завидную находчивость.

Креативность и дерзость совершенного ею заслуживала «Оскара», ни больше ни меньше. Но стоило ли так маскировать похищение трупа супруга? Не проще ли было вызвать милицию, а затем рассказать родственникам и знакомым, что произошло на самом деле?

– Да, я рисковала, и мой план рухнул бы, если бы моя соседка, Зина Ферапонтова, проявила свой интерес к произошедшему при людях, а не спросила бы меня с глазу на глаз, куда делся гроб. Дело в том, что она видела, как вечером Семена привезли в нем сюда. Мне пришлось соврать, что похоронное агентство все напутало, поэтому я вызвала новую бригаду, которая отвезла Семена – да простит меня бог! – в крематорий. Зинаида вроде бы поверила и больше не поднимала этот вопрос.

Я подошла к окну и спросила:

– А где эта Зинаида живет?

– Да-да, вы смотрите в нужном направлении. Ее дом как раз напротив. Догадываюсь, что вы планируете с ней побеседовать, только мне бы этого очень не хотелось.

Клиентка явно хотела помешать моим оперативно-разыскным мероприятиям, словно и не была заинтересована в том, чтобы я выяснила, кто же похитил тело ее покойного мужа. Но зачем тогда она меня наняла? Да и в себе ли она?

– Валерия Юрьевна, почему вы против того, чтобы я разговаривала с возможными свидетелями?

– Понимаете, Татьяна Александровна, если Зинаида что-то заподозрит, то по поселку пойдут сплетни. Мою легенду насчет кремирования развенчают. И потом, если бы она или члены ее семейства что-либо видели ночью, Зинаида уже давно бы сама проговорилась. К тому же у Феррапонтовых окна всех спален выходят на другую сторону. Нет, разговаривать с ними не стоит. Впрочем, как и с другими соседями. Наш поселок – это та же деревня, где так и кишат различные слухи и сплетни. Если до меня еще ничего не докатилось, значит, никто ничего не видел. Уж поверьте мне, я о наблюдениях своих соседей узнала бы первой.

– Валерия Юрьевна, скажите, вы вообще заинтересованы в том, чтобы я нашла тело вашего мужа и того, кто его похитил?

– Разумеется, иначе бы я не обратилась к вам.

– Тогда позвольте заметить вам, что вы сами сковываете мои действия. Свидетельские показания могут оказаться очень ценными. – Я заметила, что на лице вдовы появилась тень снисходительного превосходства надо мной. Так смотрят профессионалы на дилетантов. Разумеется, я не могла не спросить: – Валерия Юрьевна, у вас есть какие-то подозрения?

– Да, мне кажется, я догадываюсь, чьих это рук дело. У меня есть две версии. В первой я уверена процентов на девяносто. Соответственно на вторую остается десять процентов. Вам остается лишь их проверить.

С математикой у клиентки все было в порядке. Интересно, а как у нее обстоят дела с логикой?

– У вас есть версии? Тогда это в корне меняет дело, – я отошла от окна и села в кресло у камина. – Итак, я вас слушаю.

Краснощекова опустилась в другое кресло, стоявшее напротив моего, и, уставившись на огонь в камине, заговорила:

– Мне неприятно об этом говорить, но другого выхода у меня нет. Дело в том, что у Семена была связь с одной женщиной, Викторией Осташкиной. Она даже родила от него ребенка, девочку. Сейчас Лизке около трех лет. Эта шлюшка, я имею в виду Вику, имела наглость сообщить мне о том, что ждет ребенка от моего мужа. Наивная, она полагала, что, узнав об измене Семена, я тут же подам на развод! – Вдова горько усмехнулась. – Нет, конечно, если бы он хотел уйти к Осташкиной, я не стала бы его силой удерживать, но Семен не собирался менять устоявшийся образ жизни. Он уже привык к комфорту, тишине и порядку в доме. А привычки – это тот же наркотик. И потом, Семену хватило разума, чтобы не оставить меня одну. Мы ведь пережили с ним вместе смерть Алеши. К тому же именно на деньги моих родителей он построил свой бизнес.

– Кстати, а какой у него был бизнес?

– Не у него – у нас, – уточнила Краснощекова. – Мы с ним являлись совладельцами фирмы «Нанду».

– И чем занимается эта фирма? – уточнила я.

– Разведением страусов. Семен был по специальности орнитологом. Однажды он увидел по телевизору передачу о страусиной ферме и загорелся идеей – завести такую же. Я его поддержала – я сама биолог по образованию. Мы купили участок в ста километрах отсюда и приспособили его для содержания страусов. Этим птицам нужен простор. Несмотря на то что там есть управляющий, мой муж очень много времени проводил на ферме.

– Это прибыльный бизнес?

– В умелых руках любой бизнес – прибыльный. Мясо страусов отличается низким содержанием холестерина, оно богато белком и микроэлементами. Лично я сама уже давно перешла на страусятину.

– Никогда не пробовала ее, – призналась я.

– Она очень похожа на говядину, но гораздо лучше впитывает различные специи, поэтому из него хорошо получаются блюда мексиканской, итальянской, китайской кухни. Гурманы знают в этом толк. В ресторанах наша страусятина нарахват, – не без гордости заметила Краснощекова. – Так же, как и яйца. Из одного яйца можно приготовить яичницу человек на восемь, а то и на десять. Это ходовое блюдо на банкетах и корпоративах. Скорлупа также идет в дело – ее охотно приобретают наши тарасовские умельцы для изготовления различных сувениров. Так же, как перья и кожу.

– Кожу?! – Я не могла себе представить, что можно сделать из кожи страуса.

– Да, и кожу тоже. Вот, видите эту шляпу? – Валерия Юрьевна показала рукой на ковбойскую шляпу, украшавшую одну из стен гостиной. – Это подарок одного частного предпринимателя, которого мы снабжаем кожей наших страусов.

Я подошла поближе, чтобы разглядеть ее.

– Да, интересная выделка!

– Пузырьковый рисунок бывает на груди птиц. За рубежом продажа одной только кожи окупает все затраты на содержание страусов, но у нас спрос на нее не такой высокий, и цены ниже. Я уже не говорю про жир. Мы его только-только начали продавать одной косметической фирме. А вот доходы от туризма зависят от времени года. Пики почему-то на весну и осень приходятся. В общем, десять лет тому назад я еще плохо представляла себе, что выйдет из этой затеи. А вышел очень прибыльный бизнес.

– Понятно. Кто является наследником вашего мужа?

– Я, разумеется. Кто же еще? Впрочем, Осташкины тоже упомянуты в завещании Семена. Там проставлена некоторая денежная сумма, которая должна ежегодно выплачиваться Виктории на содержание дочери вплоть до ее совершеннолетия. Не больше и не меньше.

– То есть вы уже успели встретиться с нотариусом и ознакомиться с завещанием?

– Татьяна Александровна, я знакома с текстом уже больше года. Когда у мужа случился первый инфаркт, он заду-

мался о его составлении. Мое здоровье тоже не идеально... Как только Семен выписался из больницы, мы вместе пошли к нотариусу и изложили ему свою волю в присутствии друг друга. Я тоже завещала свою долю в бизнесе супругу, кроме того, я посчитала нужным позаботиться о своей племяннице. Так что у нас в этом плане все было честно по отношению друг к другу и прозрачно.

– Да, пожалуй. Виктория в курсе насчет завещания?

– Честно говоря, я не знаю. – Краснощекова подвинулась ко мне и сказала: – Мне кажется, Вика наняла каких-нибудь пьяниц, чтобы они украли тело Семена!

– Но зачем ей это? – очень удивилась я.

– Неужели не понятно? Для того, чтобы шантажировать меня.

– Так она вас шантажировала?!

– Нет. Возможно, она ждала, что я сама к ней обращусь, и тогда эта нахалка выставила бы свои требования.

– Какие требования?

– Ну откуда же я знаю, на что именно у нее хватило бы наглости? Вероятно, она собиралась вернуть мне тело Семена за какое-либо вознаграждение.

Я многое повидала за время своей частной практики, но чтобы кого-то шантажировали покойником – такого еще не бывало. Это просто какой-то абсурд. Тем не менее я сделала вид, что готова рассмотреть и эту версию.

– Валерия Юрьевна, вероятно, у вас имелись основания

подумать такое, только...

– Что «только»?

– Если к исчезновению тела вашего мужа действительно причастна Вика, то почему она так и не высказала вам своих требований?

– Да потому, что я ее переиграла! Наверное, она рассчитывала, что я обнаружу утром пропажу, сразу же пойму, что к чему, и позвоню ей. Но, честно говоря, до меня только вчера вечером дошло, кто мог сыграть со мной такую злую шутку.

Версия, в которой клиентка была уверена на девяносто процентов, показалась мне сперва просто надуманной, а через минуту – еще и абсолютно бесперспективной. Воздержавшись от оценки этого варианта вслух, я деловито осведомилась:

– Так, а кто еще попал в круг ваших подозреваемых?

– Татьяна Александровна, мне показалось, что вы даже мысли такой не допускаете, что Осташкина с чьей-либо помощью украла гроб с телом Семена.

– Валерия Юрьевна, судите сами – если бы она замыслила шантаж, то непременно обратилась бы к вам со своими требованиями. Но ведь этого не произошло.

– Тут как раз все ясно. Она испугалась содеянного, потом узнала, что я придумала историю про кремацию, и решила сама похоронить Семена. У нее же дочь растет. Будет водить Лизку к нему на могилку. Так что заинтересованность в по-

хищении тела с ее стороны все равно имеет место, – Краснощекова продолжала настаивать на своей версии.

Я попыталась ее образумить, сказав:

– Для официального захоронения необходимо иметь на руках свидетельство о смерти. Или его тоже украли?

– Нет, его не украли, хотя оно лежало на виду. Но я думаю, что на каком-нибудь деревенском кладбище за очень даже небольшую сумму можно провести захоронение. Я уже не говорю о подделке документов.

– Допустим. Скажите, откуда Осташкина узнала о смерти Семена Семеновича? Да и узнала ли?

– Так она же в нашей фирме когда-то работала и с кем-нибудь из сотрудников наверняка продолжает общаться. Знаете, вчера здесь была одна девица, возможно, ее подружка, так она с таким недоверием посматривала на урну, будто знала наверняка, что там обыкновенная зола из камина, а не прах моего покойного мужа.

– Вам известно, как зовут подружку Осташкиной, кем она работает?

– Нет, я не знаю всех сотрудников «Нанду» поименно, но могу узнать.

– Хорошо. А кто еще, если это не Осташкина, мог похитить тело вашего мужа? – Я вновь подтолкнула клиентку к ее второй версии.

Краснощекова тяжело вздохнула. Чувствовалось, что ей нелегко расстаться с мыслью о том, что любовница ее мужа

оказалась циничной похитительницей трупов.

– Урюпин Дмитрий Александрович, – наконец назвала она, но ничего не уточнила.

– Кто это? – осведомилась я.

– Когда-то он был другом Семена, а потом стал его заклятым врагом.

Я не могла не поинтересоваться:

– В чем причина такой метаморфозы?

– Понимаете, когда-то мы имели с ним общий бизнес, потом нам вместе стало как-то тесно, возникли идейные разногласия, вот мы и решили разделиться. Дмитрию, конечно же, показалось, что мы с Семеном его обделили.

– Это действительно так?

– Если человеку дать все, что он захочет, он потом потребует даже то, чего сначала не хотел. Но мы, Татьяна Александровна, не кучку конфет на глазок на части делили, а серьезный бизнес! Подготовкой этого раздела занимались опытные юристы, они учли вклад каждого компаньона в первоначальный капитал. Наша доля была в два раза больше, чем его. Да, Диме однажды удалось повернуть очень крупную сделку, и он возгордился, решил, что вся фирма только на нем и держится. Правда, потом он, наоборот, завалил подписание очень важного контракта, но предпочел «забыть» об этом. Были и другие промахи с его стороны, так что Семен выступил с инициативой раздела бизнеса. Нам досталась страусиная ферма, а Урюпину – ресторан «Сидней», который сла-

вился своими блюдами из страусятины. Я не даром сказала «славился», потому что этот ресторан уже закрылся. Быть может, вы в курсе?

– Если я не ошибаюсь, «Сидней» находился в районе Сенного рынка?

– Да, вы не ошибаетесь. «Сидней» под началом Урюпина недолго продержался на плаву. Уголок тарасовской Австралии примерно через год потонул, как шлюпка во время шторма, а трехмачтовый парусник моего мужа легко в нем выстоял. Урюпин не мог с этим смириться и позже, оказавшись во главе Общества по защите прав потребителей, даже попытался вставлять нам палки в колеса. Правда, ничего у него не получилось. Уж больно силы были неравными. Наверняка Дмитрий мечтал о матче-реванше, вот и случай подвернулся.

Вторая версия клиентки была такой же неуклюжей, как и первая. Забросать врага цветами в гробу – уже радость. Но зачем же похищать его труп? И самое главное – что с ним потом делать? Конечно, враги частенько мечтают потанцевать на костях своего недруга, но – фигурально. Сделать это в прямом смысле – на такое способен только какой-нибудь извращенец. Кстати, хорошая версия, надо бы узнать, не завелся ли в Тарасове маньяк-некрофил? Разумеется, я не упомянула о своей идее перед лицом Краснощековой.

– Валерия Юрьевна, мне кажется, Урюпин мог бы тихо порадоваться смерти вашего мужа где-нибудь в сторонке. За-

чем ему на руках покойник вместе с гробом? Не мумию же из него он сделать собрался? – ляпнула я и прикусила язычок. Клиентке эта фривольность могла не понравиться, но Краснощекова не придавала значения моей последней фразе.

– Тихо радоваться – это не в его манере. Дмитрий по своей натуре – психопат. Он всегда выставлял свои эмоции напоказ. К тому же я еще не успела посвятить вас в один нюанс. Когда мы еще были компаньонами, у Димы умер в Самаре отец. Он опоздал на его похороны и обвинил в этом Семена.

– Основания? – уточнила я.

– Так уж случилось, что в день похорон Урюпина-старшего должно было состояться подписание очень важного договора с иностранным партнером. Тот прилетел к нам в Тарасов из Чехии. А курировал этот контракт как раз Дима. И он собирался накануне вечером сесть в поезд, чтобы утром оказаться в своем родном городе. Семен попросил его задержаться, провести утром переговоры и сразу же вылететь в Самару. Похороны перенесли на четыре часа, и, по идее, Дмитрий должен был на них успеть. Но по закону подлости погода в тот день в Самаре была нелетной, поэтому рейс задержали. Урюпин прилетел в свой родной город только поздно вечером, когда тело его отца уже предали земле. Татьяна Александровна, вы представить себе не можете, каким злым он вернулся обратно! Дмитрий на чем свет стоит проклинал Семена... В общем, как раз после этого они окончательно рассорились. Раздел бизнеса был неминуем.

Нам не удалось развить эту тему, потому что в этот момент раздался настойчивый звонок в дверь.

– Должно быть, это домработница, – предположила Краснощекова и отправилась в прихожую. – У нее ведь еще нет ключей от новых замков.

Вскоре в гостиной появилась симпатичная, но очень скромно одетая женщина лет двадцати пяти.

– Татьяна Александровна, познакомьтесь, это Оля, о которой я вам говорила. – Девушка кивнула мне и уставилась на свою работодательницу преданным взглядом. Валерия Юрьевна заговорила, отчетливо произнося каждое слово: – Оля, скажи, пожалуйста, ты кому-нибудь давала ключи от этого дома?

Прислуга мотнула головой из стороны в сторону.

– Может, вы случайно оставляли их где-нибудь без присмотра? – уточнила я, но Оля продолжала смотреть на Краснощекову, словно и не слышала меня. Я произнесла еще несколько слов, на которые она также не отреагировала. До меня вдруг дошло: эта молодая женщина – глухонемая.

– Оля! Татьяна Александровна, – вдова указала на меня рукой, – хочет задать тебе несколько вопросов.

Домработница кивнула и внимательно уставилась на меня, жадно ловя движения моих губ.

– Оля, где вы хранили ключи от этого дома? – Она кивнула, давая понять, что поняла мой вопрос, и достала из кармана поношенного кардигана огромную связку ключей. – Здесь

также и ключи от вашего дома, так?

Домработница подтвердила это кивком головы. Я поняла, что она одинаково заботится о сохранности как своих, так и чужих ключей и, скорее всего, не бросает их где попало. К тому же, окажись она вдруг причастна к похищению трупа хозяина, она не может не понимать, что в первую очередь подозрения падут на нее. Пока же веских оснований, чтобы уличить прислугу в подобной злокозненности, у меня не было.

– У меня больше вопросов нет, – сказала я, и Оля тут же перевела взгляд на Краснощекову. В нем была тревога. Кажется, девушка решила, что ее в чем-то подозревают, и это грозит ей неприятностями.

– Оля, ты можешь приступать к своим обязанностям. Пожалуйста, не принимай этот разговор близко к сердцу. Это чистая формальность. Понимаешь? – Прислуга дала понять, что не понимает, почему ей вообще задают такие вопросы. – Дело в том, что кто-то пытался ночью сюда проникнуть, и мне пришлось поменять замки. Я дам тебе потом новые ключи. А сейчас – иди в кухню.

Оля тут же оставила нас. Валерия Юрьевна взяла с каминной полки сложенный вдвое листок бумаги и сказала:

– Татьяна Александровна, предвидя ваши дальнейшие вопросы, я написала здесь все, что вам надо знать об Осташкиной и Урюпине. Указала их домашние адреса, телефоны и прочую информацию. Кое-что я почерпнула из мобильного

мужа. Думаю, это поможет вам в расследовании.

– Вы очень предусмотрительны, – сказала я, заглядывая в листок. На самом деле я была уверена, что это абсолютно пустая для меня информация.

Когда я оторвала взгляд от листка и посмотрела на клиентку, то заметила у нее в руках небольшую сумочку. Она извлекла из нее пачку купюр в европейской валюте, разделила ее на глазок примерно пополам и протянула мне одну часть, сказав, что это аванс. Я взяла деньги и убрала их, не пересчитывая.

– Татьяна Александровна, не забудьте, что не стоит беспокоить моих соседей, – напомнила мне Валерия Юрьевна и направилась в прихожую.

– Помню. – Я последовала за хозяйкой дома.

* * *

Сев в «Ситроен», я достала мобильник и набрала номер Кирьянова.

– Слушаю, – ответил он.

– Володя, привет! Как дела?

– Ты на самом деле интересуешься моими делами? – устало спросил полковник милиции.

– Конечно.

– Ну, тогда слушай. Работы, как всегда, завались, зарплату мне уже с год не повышали, жена каждый вечер намекает, что

хочет новую шубу, а я всякий раз делаю вид, что не слышу ее. Дальше продолжать?

– Не надо, уже понятно, что веселья в твоей жизни мало, – посочувствовала я Владимиру Сергеевичу.

– А в твоей?

– А в моей сейчас – еще меньше. Представляешь, расследую дело о хищении трупа! – И я вкратце посветила Кирьянова в подробности. – Как тебе это нравится?

– Оригинальное дельце! Скажи, а твоя клиентка вообще вменяемая? Может, она сама муженька в камине сожгла, а ее память попросту не сохранила того, что она совершила в приступе внезапно нахлынувшего безумия?

– Володя, я, конечно, заметила определенные странности в ее поведении, но не столь радикальные.

– То есть это дама все-таки с тараканами в голове?

– Да, но с маленькими. Володя, я, знаешь, что хотела у тебя спросить...

– Что? – с готовностью ответить на мой любой, даже самый заковыристый, вопрос уточнил Кирьянов.

– Скажи, у нас в городе случайно не завелся маньяк-некрофил?

– Нет, Таня, ничего подобного в Тарасове уже давно не было. Вот лет семь или восемь тому назад, помнится, мы с ног сбились, разыскивая одного расчленителя трупов. Так его в психушку до конца жизни закрыли.

– Да, я тоже что-то такое припоминаю. Я тогда еще в Ака-

демии права училась. Володя, интересно, а выпустить его не могли?

– По идее, не должны были, но всякое бывает.

– Ты его фамилию помнишь? – спросила я.

– Алексеев, – сказал Кирьянов, немного подумав.

– А имя-отчество?

– Нет, такие подробности я уже не помню.

– Жаль.

– Знаешь, Таня, а сходи-ка ты в областной психдиспансер, к Макарову Ивану Сергеевичу. Это главврач, – уточнил Кирьянов. – Он мой давний приятель. Скажешь, что ты от меня, и Макаров тебе на все вопросы ответит. Я ему позвоню, предупрежу насчет твоего визита.

– Вот за этот совет и протекцию – спасибо. Да, вот еще что... Володя, ты мог бы посмотреть сводку за вчерашний день? Может, там имеется что-нибудь интересное для меня? Какой-нибудь неопознанный труп, необязательно красиво лежащий в гробу, или, наоборот, гроб, брошенный где-нибудь на свалке или в безлюдном месте? Кстати, гроб был дорогой, из натурального дуба...

– Ну, такую находку кто-нибудь мог и для себя зажить! – попытался сострить Кирьянов. – А что? Люди нынче ничем не брезгают.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что похищение трупа предприняли из-за какой-то деревяшки?!

– Нет, конечно, это я просто попробовал так пошутить.

Извини, если не слишком удачно получилось.

– Да все нормально. Володя, так ты посмотришь сводки?

– Конечно, посмотрю. Таня, извини, ко мне тут пришли. Я тебе в конце дня перезвоню, – пообещал Кирьянов и отключился.

Я заметила, что из дома Ферапонтовых вышел неуклюжий рыжий тинейджер. Искушение пообщаться с ним было велико, но я помнила, что моя клиентка настойчиво просила – соседей ее вопросами не беспокоить. Взвесив все «за» и «против», я рискнула ее послушаться, завела мотор и на самой маленькой скорости поехала за подростком. Он зашел в продуктовый магазин, вход в который уже не просматривался из окон Краснощековой. Припарковавшись, я вышла из машины и стала ждать Ферапонтова. Вскоре он вышел на улицу с огромным пакетом чипсов.

– Привет! – бросила я ему.

– Это вы мне? – удивился пацан.

– Тебе. Хочу с тобой немножко поболтать.

– О чем? – с интересом спросил он.

– Да так, вопросы кое-какие у меня имеются. Надеюсь, ты не очень торопишься?

– Нет, спрашивайте, – парнишка открыл пакет и захрумкал чипсами.

– У вас тут недавно сосед умер, – начала я.

Подросток меня перебил:

– Дядя Сема-страусятник, что ли?

– Да, он. Так вот, меня в связи с этим событием любая необычная информация интересует.

– Если вы сигареты мне купите, так я вам кое-что расскажу, – немедленно вступил в торги предприимчивый тинейджер.

– Может, лучше деньгами возьмешь?

– Не-а, у меня бабки есть, а вот курево купить не могу. Смена сегодня противная, не продает сигареты, пришлось только чипсы взять.

– А ты что, уже серьезно подсел на курево?

– Вообще-то мне сигареты больше для понта нужны, пацанов угощать, пусть не думают, что я лох какой-то!

– Ясно, если для этих целей, тогда заматано – получишь свои сигареты, не сомневайся.

– Нет, сначала – сигареты, потом – вопросы, – парнишка дал мне понять, что обмануть его не получится. Собственно, я и не собиралась этого делать.

– А тебе есть что сказать-то? – уточнила я на всякий случай.

– Само собой!

– Тогда жди. – Я отправилась в магазин и купила пачку легких сигарет. Конечно, я понимала, что иду против закона, снабжая подростка куревом, но другого способа наладить контакт с этим парнем у меня не было.

– На, держи, но с одним уговором – о нашем разговоре никто не должен знать.

– Заметано. – Подросток сунул пачку в карман и сказал: – Короче, дядя Сема умер от инфаркта. Сначала его привезли домой в гробу, потом снова увезли и сожгли. В общем, никаких похорон не было. Его жена пепел дома хранит. Сумасшедшая, правда?

Ничего нового пацан мне пока что не открыл, но я еще надеялась вытрясти из него какие-нибудь любопытные детали.

– А что, вдова его на самом деле – того? – Я повертела пальцем у виска.

– Ну так, иногда закидоны у нее бывают...

– Например? – Я попросила конкретики.

– А что, сжечь мужа – это не пример, что ли?

– Один случай – еще не показатель. Два – совпадение, а вот три – уже закономерность. Еще парочку эпизодов не припомнишь?

– Она иногда может посмотреть прямо в лицо и не узнать, а в другой раз ни с того ни с сего подойдет и начнет конфеты мне совать. Что я, девчонка, что ли?

– Ну, понятно, ты конфетам предпочитаешь сигареты, а зря.

– Вот только не надо мне мораль читать! Я не для себя их просил, а так, чтоб было что дать кому-нибудь закурить.

– Значит, все-таки для облегчения коммуникаций... Ладно, проехали. Что-нибудь еще вспомнить можешь? Позапрошлой ночью ничего подозрительного вокруг дома с покойником случайно не происходило?

– Да я ночью спал.

– Может, слухи какие-нибудь до тебя дошли?

– Нет, дома у нас только кремацию эту обсуждали. Я вообще не знал, что у нас такое возможно, думал, это только в Индии покойников сжигают! Правда, мать сказала, что все тарасовские кладбища переполнены, вот покойников и стали сжигать. Скоро это вообще в моду войдет. А что – прикольно... А вас вообще что конкретно интересует?

Я четко сформулировала очередной вопрос:

– Кто приезжал той ночью к Краснощековой?

– А вы у нее не спрашивали?

– Спрашивала.

– И что?

– Она не помнит.

– А вам зачем это надо знать? – запоздало поинтересовался подросток.

– Я из похоронной службы, понимаешь? Контролирую работу наших сотрудников. Они там кое-что с вызовами напутали, вот я и пытаюсь восстановить, кто по какому адресу выезжал.

– Понятно, – парнишка проглотил или сделал вид, что проглотил мою нелепую легенду. – Извините, ничем больше помочь не могу.

– Ладно, и на том спасибо.

Парень пошел по своим делам, а я села в «Ситроен» и задумалась о том, что же мне делать дальше.

Глава 4

В моей памяти вдруг всплыло, что обе экспертизы делал один и тот же патологоанатом. Мой детективный опыт научил меня серьезно относиться к любым совпадениям. Как правило, за ними всегда стоит нечто важное. Из поселка Мелиораторов я поехала в морг, в котором работал мой знакомый. Нельзя сказать, что я не доверяла Шуре, нет. В силу своей профессии он мог располагать очень ценной информацией, которая почему-то не попала в заключения о причинах смерти Кузнецова и Краснощекова. Однажды Шильдиков шепнул мне кое-что на ушко, разумеется, не безвозмездно, и это помогло мне выстроить правильную версию. Чего-то в этом роде я ждала и от предстоящей встречи с ним.

Примерно на середине пути я вспомнила, что обещала Светке заехать к ее соседке и сказать, что никакого криминала по факту смерти ее мужа мне обнаружить не удалось. Ее дом находился буквально за углом, но я не свернула направо, а поехала прямо, решив, что окончательно поставить точку в этом деле можно будет после общения с Шильдиковым. Мне невольно пришло на память предсказание гадалых двенадцатигранников: «Увлечение делом. Живой интерес к нему не позволит лени проникнуть в вашу жизнь». Если вчера я отнесла его к расследованию обстоятельств смерти Виктора Кузнецова, то сейчас поняла, что косточки говорили уже о

новом деле – об исчезновении трупа Семена Краснощекова. Клиентка права – это преступление действительно из ряда вон выходящее. Чтобы его раскрыть, лениться мне точно не придется.

* * *

Шильдиков стоял у входа в морг и курил. С тех пор как я избавилась от этой вредной привычки, сигаретный дым был мне противен. Я даже всячески старалась оградить себя от пассивного курения. Подождав в сторонке, пока Шура не закончил отравлять воздух вокруг себя табачным дымом, я направилась к нему.

– Привет! – крикнула я, когда Шильдиков уже открыл дверь и занес ногу над порогом.

Он оглянулся и, смерив меня неприветливым взглядом, спросил:

– Иванова, ты что здесь делаешь? У тебя кто-то умер? Со-чувствую.

– Нет, я пришла к тебе по делу. Надо бы поговорить.

– Извини, я сейчас занят, – откровенно меня проигнорировав, Шура вошел в помещение морга.

– Подожди, я тебя надолго не отвлеку, – проговорила я, следуя за ним по узкому мрачному коридору.

Патологоанатом остановился около двери с табличкой «Посторонним вход воспрещен» и сказал:

– Если ты пришла в анатомический театр, то со спектаклем тебе повезло. Там у меня такой интересный покойник лежит – сломанные ребра торчат из его грудной клетки, как пружины из старого дивана! Посмотреть не желаешь?

– Ну уж нет, – мне сразу же захотелось глотнуть свежего воздуха.

– Я тоже не хочу, но придется. Пойми, Таня, мне работать надо, а не разговоры с тобой разговаривать. Мне за них никто не платит.

– Шура, я заплачу, ты же знаешь.

– За что? За циррозную печень или за камни, извлеченные из почек? Извини, но они уже проданы.

Я вымученно улыбнулась, сделав вид, что оценила его черный профессиональный юмор, и сказала:

– Мне нужна информация.

– Какая еще информация? – раздраженно осведомился

Шильдиков.

– Насчет Кузнецова и Краснощекова. Это ведь ты вскрывал их, так?

Патологоанатом пугливо огляделся по сторонам. В конце длинного коридора санитарка мыла полы, но вряд ли она могла что-то услышать. Расстояние до нее было весьма внушительным.

– Не понял, ты хочешь, чтобы меня с работы уволили? – ошетинился Шура.

Я не успела ничего ответить, потому что он скрылся

за дверь. Откровенно говоря, я не узнавала Шильдикова. Раньше он охотно шел со мной на контакт, а теперь моя скромная персона вызывала у него лишь раздражение. Или это что-то другое? Я стояла под дверью, открывать которую мне совсем не хотелось, и анализировала поведение Шуры. То ли я все это себе внушила, то ли он на самом деле чего-то испугался. Но чего? Неужели за Шильдиковым водится какой-нибудь профессиональный грешок? Пока я размышляла об этом, санитарка дошла до меня со своей шваброй.

– Там твой родственник? – спросила она с сочувствием. – Прими мои соболезнования. Да, не повезло бедняге...

– Нет, мне с Александром Анатольевичем поговорить надо, – я отошла в сторону, давая возможность санитарке продолжать мыть пол.

– Вон оно чего, – женщина подняла на меня глаза. – А ведь я тебя вспомнила! Ты у нас уже бывала. Знаешь, у нас сейчас новый начальник. Павел Сергеевич. Строгий – жуть! Он посторонних разговоров на работе не поощряет.

Дверь открылась, и в щель высунулась голова Шильдикова в маске.

– Иванова, ты еще здесь? – недовольно пробурчал он. – Вот настырная, твою мать... Вечером приходи, часам к шести. Тогда и поговорим.

– Хорошо, – обронила я и направилась к выходу.

– Вы кто? – вдруг огорошил меня вопросом низкорослый мужчина в белом халате, неожиданно вышедший из лабора-

тории. Я сразу подумала, что это и есть новый начальник, который нагнал страху на всех сотрудников морга. Он на самом деле выглядел очень грозно. В голову почему-то пришло, что он страдает комплексом Наполеона.

– Я уже ухожу, – ответила я невпопад и устремила к двери.

– Как знаете, – бросил он мне вслед. – Я хотел вам помочь.

Интересно, какую помощь он имел в виду? Наверное, собирався указать, как найти выход.

* * *

Из морга я поехала в областной психдиспансер. Секретарша главного врача долго и упорно пыталась убедить меня в том, что Иван Сергеевич меня не примет, потому что для этого есть специально отведенные дни и часы, но, увы, – не сегодня. Развели бюрократию!

– Девушка, скажите ему, что я от полковника Кирьянова, – уже в который раз попросила я, но она вновь сделала вид, что не расслышала.

Улучив момент, когда секретарша занялась приемом факса, я вошла в кабинет главного врача без спроса. Это был мужчина лет сорока пяти, выглядевший почему-то очень усталым. Еще я обратила внимание, что его седые виски не гармонировали с черными густыми бровями. Вероятно, у него непростой характер, подумала я.

– Здравствуйте, я от Владимира Сергеевича.

– Проходите, он мне звонил насчет вас, – хозяин кабинета располагаясь улыбнулся мне.

– Так, вам кто разрешил сюда войти?! – раздалось за моей спиной.

– Все нормально, Катя. Сделай-ка нам кофе, – бросил Макаров своей секретарше, а потом обратился ко мне: – Вас как зовут?

– Татьяна.

– Очень приятно. Володька сказал мне, что придет очаровательная девушка, и не обманул. Ну что ж, Татьяна, я вас внимательно слушаю. Что привело вас в стены этого заведения?

Я обвела взглядом многочисленные дипломы и сертификаты, висевшие на стене за спиной хозяина кабинета, и сказала:

– Иван Сергеевич, меня интересует, состоит ли у вас на учете человек, который может проявить нездоровый интерес к покойнику?

– О как! – удивился Макаров. – Не ожидал такого – из этих милых уст услышать подобный вопрос! А что, по-вашему, является нездоровым интересом к покойнику?

– Мне трудно сказать, в чем именно это может выражаться и куда в принципе заводят извивы помраченного сознания. Но подобная клиническая картина – это ведь по вашей части, не так ли? Это вы знаете, кто насилует покойников,

кто расчленяет их, а кто ставит над трупами еще какие-то эксперименты.

– В принципе да, Танечка, это моя специальность, – Иван Сергеевич смотрел на меня глазами человека, много пережившего и много в этой жизни повидавшего, – только подобные пациенты, к счастью, большая редкость, и у нас таковых на учете нет.

– Скажите, такие извращения могут проявиться неожиданно? Вот жил себе гражданин, жил, имел славу порядочного человека, тихого и безобидного, а однажды, к примеру, узнал, что его сосед, родственник или сослуживец отдал богу душу, в его мозгах что-то щелкнуло и... – я замолчала, дав возможность психиатру самому домыслить, что могло случиться потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.